

ТВЕРСКАЯ

ЕПАРХИАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ.

Выходятъ два раза въ
мѣсяцъ 1 и 15 чисель.

За годоу изданію
въ пересылки 4 р. 50 к.,
пересылкою 5 р.

1 ОКТЯБРЯ 1881 Г.

Подписка принимается
въ редакціи Епархіальныхъ
Вѣдомостей и у мѣстныхъ
Благочинныхъ.

№ 19.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ ОФИЦІАЛЬНАЯ.

ПОДРЖАНІЕ ЧАСТИ ОФИЦІАЛЬНОЙ: Распоряженія Тверскаго Епархіальнаго
начальства. — Епархіальныя извѣстія — Объявленія.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ТВЕРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

Тверская Духовная Консисто́рія слушала справку, по коей
оказалось, что указомъ Святы́йшаго Синода отъ 16 августа
1867 года за № 33, опубликованнымъ 21 сентября того же
года чрезъ бывшія духовныя Правленія и состоявшихъ тогда
въ непосредственномъ вѣдѣніи Консисто́рии благочинныхъ,
иногда, что дѣла по опекамъ надъ сиротами духовнаго
званія епархіальнаго вѣдомства относятся къ вѣдѣнію не Кон-
систо́рии, а епархіальныхъ попечительствъ о бѣдныхъ духов-
наго званія; между тѣмъ многіе благочинные описи имуществовъ
умершихъ лицъ духовнаго вѣдомства, для назначенія опеку-
новъ, представляютъ въ Консисто́рію а не епархіальное по-
печительство. Приказали и Его Высокопреосвященство
твердилъ: такъ какъ многіе благочинные, вопреки указа
Святы́йшаго Синода отъ 16 августа 1867 года за № 33, опи-
сы имуществовъ умершихъ лицъ духовнаго вѣдомства для на-

значенія опекуновъ, представляютъ въ Консисторію, изъ вѣдѣній которой дѣла эти изъяты: то подтвердить чрезъ Епархіальныя вѣдомости всѣмъ благочиннымъ, чтобы они донесенія о назначеніи опекуновъ посылали въ епархіальное Попечительство.

Правленіе Кашинскаго духовнаго училища, симъ объявляетъ духовенству Кашинскаго училищнаго округа, что съ 1-го января будущаго 1882 года открывается общежитіе при училищѣ приблизительно на 100 учениковъ. Правомъ помѣщенія въ общежитіи пользуются какъ сироты съ содержаніемъ отъ духовенства округа, такъ и всѣ прочіе ученики училища со взносомъ за содержаніе пищею 45 рублей въ годъ, и 10 рублей тотчасъ при поступленіи на первоначальное образованіе: койку, матрацъ, подушку, одѣяло и носильное бѣлье. Въ случаѣ выхода ученика изъ общежитія вещи эти выдаются ему обратно, если того пожелаютъ родители. Взносъ за содержаніе въ общежитіи можетъ быть уменьшаемъ, по усмотрѣнію училищнаго Правленія, если только родители представятъ въ Правленіе надлежаще засвидѣтельствованныя удостовѣренія о своей бѣдности; равнымъ образомъ дѣти несостоятельныхъ родителей могутъ быть освобождаемы отъ взноса 16 рублей на постельныя принадлежности, которыя въ такомъ случаѣ устрояются Правленіемъ училища на находящіяся въ его вѣдѣніи средства. Взносъ денегъ за содержаніе долженъ быть представляемъ въ началѣ каждой трети года; если же въ теченіе одного мѣсяца не будетъ произведенъ третій взносъ, ученикъ увольняется изъ общежитія. Всѣ ученики, не исключая и сиротъ, одежду должны имѣть свою собственную, равно какъ и чай, если бы пожелали. Прошенія о приѣмѣ должны быть представляемы въ училищное Правленіе къ 1-му ноябрю сего года; при прошеніяхъ

должны быть представляемы несостоятельными родителями и засвидѣтельствованныя мѣстными о.о. благочинными удостовѣренія о бѣдности. Въ случаѣ недостатка вакансій въ общежитіи дѣло приѣма рѣшается жребіемъ.

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Діаконъ въ званіи псаломщика села Млева, Вышневолоцкаго уѣзда, Павелъ Фруктовъ 6 сентября 1881 года рукоположенъ во священника къ церкви села Петровскихъ-Озеръ, Корчевскаго уѣзда.

Учитель Талдомскаго сельскаго училища Иванъ Колычевъ 8 сентября сего года рукоположенъ во священника въ село Гушино, Кашинскаго уѣзда.

Священникъ села Иворовскаго, Старицкаго уѣзда, Андрей Орловъ 10 сего сентября, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности.

Псаломщикъ села Садыкова, Тверскаго уѣзда Василій Колеровъ 31-го прошедшаго августа померъ, а на его мѣсто опредѣленъ 18 сего сентября воспитанникъ семинаріи Петръ Троицкій.

Священникъ села Бѣлой, Бѣжецкаго уѣзда, Іоаннъ Никольскій 15 сентября 1881 года, согласно его прошенію, уволенъ отъ должности.

Воспитанникъ Тверской духовной семинаріи Петръ Баженовъ, 15 сентября 1881 года опредѣленъ на праздно псаломщическое мѣсто къ церкви села Млева, Вышневолоцкаго уѣзда.

Діаконъ Каѳедрального собора Іоаннъ Соболевъ перемѣщенъ къ Тверской Смоленской Кладбищенской церкви.

Настоятель села Бѣлой Бѣжецкаго уѣзда, Іоаннъ Никольскій 15 сентября сего года, согласно его прошенію, уволенъ

отъ должности; а на его мѣсто 20 сентября рукоположенъ
діаконъ Тверской Смоленской Кладбищенской церкви Ое-
доръ Первухинъ.

Учитель Селижаровскаго сельскаго училища Петръ Соко-
ловъ 14 сентября сего года рукоположенъ во священника на
должность помощника настоятеля къ церкви села Бѣлой,
Бѣжецкаго уѣзда.

Діаконъ въ званіи псаломщика Тверскаго Каѳедральнаго
собора Василій Приклонскій 24 сентября опредѣленъ на
праздное діаконское мѣсто къ тому же собору.

О Б Ъ Я В Л Е Н І Я .

Господиномъ Оберъ-Прокуроромъ Св. Синода 5-го сентября
перемѣщенъ на учительскую вакансію по русскому языку съ
церковно-славянскимъ въ Осташковское духовное училище
назначенный 11 августа на должность учителя греческаго
языка въ Пермское дух. училище, кандидатъ С.-Петербургской
д. академіи Константинъ Измайловъ, согласно его прошенію.

Преподаватель финскаго языка С.-Петербургской духовной
семинаріи священникъ Іоаннъ Альбинскій, въ письмѣ къ
Высокопреосвященнѣйшему Саввѣ, Архіепископу Тверскому
и Кашинскому, объявляетъ, что у него имѣется въ продажѣ
60 экземпляровъ книги «Начатки православнаго христіанска-
го ученія» на финскомъ языкѣ, собственнаго его перевода.
Цѣна за экземпляръ 15 к. На этомъ письмѣ резолюція Его
Высокопреосвященства послѣдовала таковая: *О книгѣ, поми-
занной въ письмѣ, объявить чрезъ Епархіалныя свѣдомости.*

Редакторъ Протоіерей В. Владиславлевъ.

ТВЕРСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ ВѢДОМОСТИ.

1 ОКТЯБРЯ 1881 Г.

№ 19.

ГОДЪ ПЯТЫЙ.

ЧАСТЬ НЕОФИЦИАЛЬНАЯ.

СОДЕРЖАНІЕ ЧАСТИ НЕОФИЦИАЛЬНОЙ. Слово въ день Рождества Пресвятыя Богородицы: Наши юноши. — По поводу сужденія сельскаго священника о тѣхъ причинахъ которыя разрушаютъ взаимную связь между священниками и прихожанами и о средствахъ возстановить эту связь (окончаніе).

С Л О В О

въ день Рождества Пресвятыя Богородицы.

*Величаем Тя, Пресвятая Дѣво, и
чтемъ святыхъ Твоихъ родителей, и все-
славное славимъ Рождество Твое.*

Въ священной пѣсни, выражающей сущность настоящаго праздника, православная церковь возвѣщаетъ намъ, братія, великую радость о рожденіи Богоматери. И подлинно, это вѣсть чрезвычайно радостная, ибо въ міръ, сущій подъ игомъ закона и тяжести грѣха, раждается Чистѣйшая Дѣва, Богоизбранная Отроковица, Матерь Христа Спасителя нашего! Сорадуются нынѣ со всемъ человѣческимъ міромъ и Ея благочестивыя родители Іоакимъ и Анна, ибо нынѣ сотвори имъ Господь милость во дни, въ няже призрѣ отъяти поношеніе ихъ въ человѣцѣхъ. (Лук. 1, 25).

Да! долго сіи благочестивые супруги были бездѣтны, долго терпѣли они отъ своихъ соплеменниковъ поношеніе и укоризны за свое неплодство, долго и горячо молились они о дарованіи имъ чада; и вотъ Богъ внялъ ихъ молитвамъ, даровалъ имъ дочь, какой еще никто не имѣлъ и конечно не будетъ имѣть, дочь, отъ которой благоволилъ родиться по плоти Обѣтованный Мессія, Христосъ, Творецъ неба и земли. Кто же во вселенной способенъ глубже и полнѣе ощущать эту радость о рожденіи Богоматери, какъ не вы, счастливейшіе изъ всѣхъ родителей, Иоакимъ и Анна! По истинѣ, радость ваша неописанна!

Христіане—родители! Добрые и хорошіе дѣти, конечно, великое счастье для человѣка на землѣ. Это лучезарная надежда и отрада зрѣлыхъ дней, это лучшее утѣшеніе отца и матери и опора въ старости. Воспитанныя въ благочестіи и страхѣ Божіемъ чада приближать своихъ родителей къ вратамъ рая и вознаграждать ихъ на землѣ за всѣ горести и невзгоды жизни.

Но много ли найдется между нами такихъ счастливыхъ отцевъ и матерей, которыхъ бы такъ радовали и утѣшали дѣти своимъ благонравнымъ поведеніемъ, какъ радовала и утѣшала своихъ родителей святая Дѣва Марія своею святою и богоугодною жизнію? Непослушаніе къ родителямъ, неуваженіе къ старшимъ, стремленіе къ своеволію,—вотъ нерѣдко повторяющіяся печальныя явленія въ жизни дѣтей и особенно въ настоящіе годы! Что же за причина этому? Не та ли, что современные родители въ воспитаніи дѣтей стали на ложный путь? Не та ли, что во многихъ нашихъ семействахъ воспитаніе дѣтей въ духѣ вѣры, въ духѣ страха Божія сдѣлалось преданіемъ глубокой старины, преданіемъ давно отжившимъ и потерявшимъ всякую цѣну? Родители и воспитатели теперь уже заботятся не о томъ, чтобы утвердить моло-

дья души дѣтей въ вѣрѣ и благочестіи; а оттомъ, чтобы наполнить ихъ головы разными свѣдѣніями, хоть бы отрывочными и поверхностными. Теперь наши дѣти скорѣе выучиваютъ десятки басенъ, сказокъ, описаній, чѣмъ «Отче нашъ» и «десять В. заповѣдей»; просиживаютъ цѣлые дни за изученіемъ иностранныхъ языковъ, а на законъ Божій удѣляютъ лишь минуты. Теперь скорѣе мы стараемся выучить дѣтей умѣнью держать себя въ обществѣ, чѣмъ добродѣтелямъ христіанскимъ; скорѣе спѣшимъ выучить ихъ разнымъ танцамъ, чѣмъ преклонять колѣна для молитвы; охотнѣе водимъ ихъ на балы, въ общественныя собранія, увеселенія, театры, чѣмъ въ храмы Божіи. Что же при такой постановкѣ дѣла удивительнаго, если наши дѣти еще съ колыбели начинаютъ портиться и заражаться ядомъ грѣха, что немѣня въ душѣ нравственной основы становятся сперва равнодушными къ вѣрѣ и добродѣтели, а за тѣмъ совсѣмъ оставляютъ ихъ, какъ вещи совершенно не нужны? Что удивительнаго, если въ такихъ дѣтяхъ съ лѣтами злыя внушенія и приемы начинаютъ брать перевѣсъ надъ чувствомъ долга и совѣсти? Да и что можетъ спасти ихъ отъ гибели, если не внушены въ нихъ правила нравственности, если не посѣяны въ нихъ чувства благоговѣнія предъ Господомъ! Тамъ, гдѣ вся забота устремлена не на связь чловѣка съ Богомъ, а только на связь его съ міромъ, можетъ образоваться только чловѣкъ міра, чловѣкъ времени, чловѣкъ земной, но не тотъ, который созданъ по образу Божію, въ правдѣ и преподобіи истины. Этого мало: изъ опытовъ видно, что люди безъ святой звѣры становятся звѣрями, символъ ихъ — кровь и разрушеніе. Обратите вниманіе на современныхъ социалистовъ: что это за люди? Къ чему привело ихъ образованіе, не основанное на святой вѣрѣ? Какія у нихъ нравственныя начала? Что въ жизни у нихъ святаго? Нѣтъ ни

чего, и не можетъ быть; ибо свѣтъ для ума и прочныя начала для жизни только и есть въ христіанскомъ ученіи. Только воспитаніе въ духѣ вѣры, въ духѣ страха Божія сильно поставитъ и держать человѣка на высотѣ нравственной жизни; одна только христіанская вѣра даетъ намъ прочныя основы нравственности, одна она воспитываетъ совѣсть въ сознаніи долга и отвѣтственности за свои дѣла. Да! воспитаніе въ духѣ вѣры, въ духѣ страха Божія необходимо для каждаго. Страхъ Божій есть единое, благотворное начало всей дѣятельности человѣка. Въ комъ нѣтъ сего спасительнаго страха Божія, въ томъ нѣтъ и не можетъ быть ни благочестія, ни любви къ Богу и къ ближнимъ, а безъ сихъ добродетелей христіанинъ есть чадо гнѣва Божія.

Какъ же родители могутъ внушить своимъ дѣтямъ страхъ къ Богу?—Едва дѣти начнутъ различать десницу отъ шуйцы, родители должны разкрывать въ нихъ понятіе о Богѣ, должны внушать дѣтямъ, что Богъ, по Своей благодати, все намъ даровалъ бытіе, для насъ создалъ сей прекрасный міръ и каждый день, каждый часъ, каждую минуту осыпаетъ насъ безчисленными благодареніями; должны напечатлѣвать въ нѣжномъ сердцѣ дитяти все величіе любви и милосердія Божія, явленныя къ грѣшному роду нашему въ таинствѣ искупленія, должны изображать вездѣприсутствіе Божіе, Его всевѣдѣніе и высочайшую святость. Такое понятіе о Богѣ естественно будетъ побуждать дѣтей благоговѣть предъ Богомъ, любить Его, служить Ему отъ всего сердца и всей души. Они не должны обращать вниманія на совопросниковъ міра сего, глаголющихъ, что понятіе о Богѣ слишкомъ высоко для дитяти, что дитя еще слабо, неспособно понимать ученіе о Богѣ, что нужно учить дѣтей вѣрѣ, когда они придутъ уже въ возрастъ. Положимъ, умъ дитяти не можетъ усвоить себѣ истинъ вѣры на столько, чтобы давать въ нихъ отчетъ; но

у дѣтей живы память и воображеніе, чтобы усвоить себѣ начала и духъ вѣры. Положимъ, разумъ дитяти слабъ, но за то свободенъ отъ страстей и предразсудковъ. Въ мысляхъ дитяти образы вѣры отражаются въ ихъ истомъ видѣ: истинны вѣры воспринимаются ими не умомъ, а сердцемъ. *Чистые сердцемъ, они зрятъ Бога.* Потому-то Высшій Наставникъ людей Господь Іисусъ, не только не считалъ дѣтей неспособными къ пріятію вѣры, напротивъ говорилъ, что *таковыхъ то и есть Царствіе Небесное.* (Мат. 19, 14). А крики еврейскихъ дѣтей:—осанна, Сыну Давидову! что иное показываютъ, какъ не то, что они сердцемъ поняли Спасителя своего, что вѣра ихъ оказалась гораздо выше вѣры книжниковъ и фарисеевъ—людей, почивавшихъ на законѣ и считавшихся руководителями народа!

Но, внушая дѣтямъ понятіе о Богѣ, родители должны внушать имъ любовь и благоговѣніе къ храмамъ Божиимъ, какъ селенію славы Божіей, святилищу Господню, гдѣ христіанинъ можетъ и долженъ приносить въ жертву Богу сердце сокрушенно и духъ смиренъ. А для этого они должны представлять ихъ вниманію, что храмы Божіи суть священнѣйшія мѣста особеннаго благодатнаго присутствія Божія, что здѣсь, потому, всѣ вѣрующіе должны возсылать Господу всяческихъ своей молитвы, слушать слово Божіе, которое есть сила Божія всякому вѣрующему во спасеніе; что здѣсь мы въ таинствахъ пріобщаемся даровъ Святаго Духа, укрѣпляющаго насъ въ подвигахъ вѣры и благочестія, что здѣсь, наконецъ приносится безкровная жертва, соединяющая насъ съ Жизнодавцемъ.

Внушая дѣтямъ уваженіе къ храмамъ, родители должны внушать имъ любовь и преданность къ Царю и ко всѣмъ ближнимъ. Пусть дѣти съ юныхъ лѣтъ смотрятъ на Царя какъ на посланника небесъ, какъ на намѣстника Божія на

землѣ, Который даетъ обѣтъ предъ Богомъ устроить благоденствіе церкви Христовой, творить судъ и правду, пешишь день и ночь съ отеческою заботливостію о мирной, довольной и безмятежной жизни каждаго сына отечества. *Бога бойтеся Царя чтите.* (1 Пет. 2, 17), — это апостольское слово пусть глубоко напечатлѣется въ нѣжномъ сердцѣ дитяти.

Но не здѣсь еще конецъ воспитанію дѣтей въ духѣ страха Божія. Родители и сами, подобно Іоакиму и Аннѣ, должны быть богобоязненны и служить примѣромъ въ благочестіи своимъ дѣтямъ. Они не должны забывать, что дѣти въ первое время долго смотрять на все глазами своихъ родителей, живутъ, такъ сказать, ихъ умомъ и чувствуютъ ихъ сердцемъ. А по сему, если дѣти видятъ, что ихъ родители со всемъ усердіемъ читаютъ слово Божіе, молятся Богу, то и сами приучаются молиться; если родители ведутъ себя честно, миролюбиво съ своими ближними, всякому желаютъ добра, строги къ самимъ себѣ, трудолюбивы и ревностны въ исполненіи своихъ обязанностей; то и дѣти ихъ, руководясь примѣромъ родителей, бываютъ прямодушны, ласковы, добродѣтельны, цѣломудренны и усердны къ полезнымъ занятіямъ.

Со всемъ противное бываетъ съ дѣтьми тѣхъ родителей, которымъ самимъ не достаетъ вѣры и благочестія. Въ самомъ дѣлѣ: будутъ ли дѣти богобоязненны и благочестивы у тѣхъ родителей, въ коихъ самихъ незамѣчаютъ ни страха Божія, ни усердія къ церкви и отечеству? Пойдетъ ли сынъ въ храмъ Божій, когда въ часы богослуженія отецъ спѣшитъ на зрѣлища, или проводитъ ихъ въ шумныхъ и веселыхъ собраніяхъ? Научитъ ли дѣтей честности, справедливости, трудолюбію и воздержанію отецъ, который въ глазахъ ихъ лжетъ, обманываетъ, преданъ лѣности и невоздержанію? Будетъ ли дочь учиться закону Божію, когда въ рукахъ матери видить только книги двусмысленнаго содержанія? Угово-

рять ли мать своихъ дочерей быть скромными, цѣломудренными, прилежными къ хозяйству, когда сама принадлежитъ къ толпѣ женщинъ легкомысленныхъ, вѣтренныхъ и расточительныхъ? Горе такимъ родителямъ, которые дѣлаютъ своихъ дѣтей поклонниками міра, рабами страстей и похотей! Грѣхи дѣтей взыщутся на безчестныхъ родителяхъ. Вмѣстѣ съ грѣшнымъ сыномъ на страшномъ Судѣ Христовомъ осужденъ будетъ и отецъ, неучившій его доброму. Вмѣстѣ съ нечестивою дочерью наказана будетъ и мать ея, если она не хотѣла наблюдать за худыми поступками дочери.

И какую будущность могутъ имѣть дѣти, не наученные вѣрѣ въ Бога и правиламъ добродѣтели? Пусть осыплютъ ихъ родители всѣми дарами мірскими, изъ богатаго достоянія своего; безъ вѣры, безъ добрыхъ правилъ они не сдѣлаютъ ничего достойнаго и предъ людьми, не только предъ Богомъ. Высокое положеніе ихъ въ свѣтѣ, связи, богатство, свѣтская образованность все будетъ ими употреблено на удовлетвореніе страстей и самолюбія. Не такова будущность дѣтей, воспитанныхъ въ вѣрѣ и утвержденныхъ въ правилахъ благочестія. Кромѣ наслѣдія блаженной вѣчности и земная жизнь ихъ будетъ преуспѣаніемъ въ премудрости. Страхъ Божій, глубоко насажденный въ сердцахъ ихъ, сохранитъ ихъ отъ соблазновъ, преткновенія и паденія. Благословитъ ли ихъ Господь богатствомъ, они не иждивутъ его на прихоти и роскошь, зная, что земныя сокровища суть таланты, даруемые Богомъ для приращенія благъ небесныхъ. Будутъ ли они проходить общественныя должности, они не замедлятъ, подобно Іосифу, доказать и вѣрность Царю и любовь къ народу. И среди бѣдности и скорбей они найдутъ довольно твердости духа, чтобы утѣшить себя надеждою успокоенія въ отечествѣ небесномъ.

Наконецъ какое утѣшеніе и для родителей имѣть дѣтей,

наученныхъ и утвержденныхъ въ правилахъ вѣры и благочестія! Пользуясь отъ нихъ всегда знаками особаго почтенія, любви и благодарности, родители могутъ быть увѣрены, что добрые дѣти не оставятъ ихъ и во дни старости. Самая смерть не страшна для нихъ при мысли, что они добросовѣстно исполнили долгъ христіанскаго воспитанія своихъ дѣтей; они знаютъ, что благодарная любовь и теплыя молитвы послѣднихъ, долго, долго будутъ сопровождать ихъ за предѣлами гроба. Давно уже и кости ихъ истлѣли, а они все еще будутъ жить въ благодарной памяти своего потомства. *Се тако благословится человекъ — бойся Господа!*

Дай же Богъ, чтобы у всѣхъ дѣтей были такіе же благочестивые родители, какъ Іоакимъ и Анна, тогда и они велики будутъ предъ Богомъ. Дай Господи, и всѣмъ родителямъ дѣтей, насколько возможно, столько же ревностныхъ въ вѣрѣ и благочестіи, какова была святая Дѣва Марія: тогда они утѣшатся не только здѣсь, но еще болѣе въ вѣчности, гдѣ предъ престоломъ Судіи они со всѣмъ дерзновеніемъ могутъ сказать: вотъ мы и дѣти, которыми Ты благословилъ насъ на землѣ; мы никого не потеряли изъ нихъ на распутіяхъ міра, но путемъ указаннымъ Тобою и съ помощью Твоей благодати всѣхъ привели въ Твое Царство. Аминь.

Тверскаго архіерейскаго дома экономъ, іерей
Михаилъ *Драницынъ*.

НАШИ ЮНОШИ.

— Съ какимъ словомъ человекъ, прожившему лучшую пору жизни, приличнѣе всего обратиться къ юношамъ, которые среди живущаго поколѣнія представляютъ раздвѣтъ человечества, и на которыхъ почиваютъ надежды будущаго?

Мы желали бы, при мысли о нашемъ юности, воспользоваться тѣмъ обращеніемъ къ нимъ, какое нѣкогда сдѣ-

далъ великій Апостоль любви по отношенію къ христіанскимъ юношамъ, ему современнымъ, и считали бы себя счастливыми, если бы это апостольское обращеніе могло быть вполнѣ примѣнено къ нашему молодому поколѣнію. *Писахъ вамъ юноши (читаемъ мы у апостола Іоанна), яко крѣпцы есте, и слово Божіе въ васъ пребываетъ, и побѣдите лукаваго* (1 Іоан. II, 14). Апостоль исполненъ къ юношамъ изъ вѣрующаго общества самаго доброжелательнаго чувства и, глядя на нихъ или думая о нихъ, онъ находитъ много причинъ радоваться за нихъ и утѣшаться за будущее. Онъ радуется за нихъ во-первыхъ потому, что видитъ ихъ сильными и крѣпкими, вовторыхъ потому, что они твердо держатся слова Божія, и въ-третьихъ потому, что они побѣдили лукаваго и не подчинились тѣмъ враждебнымъ силамъ, которыя увлекали ихъ съ пути добра на путь порока. Имѣемъ ли мы подобныя причины радоваться за наше молодое поколѣніе? Даль бы Богъ!...

Но присмотримся къ жизни и къ тѣмъ явленіямъ, которыми ознаменовываетъ себя наше юношество.

Вы сильны, писалъ Апостоль своимъ юношамъ. Имѣемъ право и мы сказать это юношамъ нашего времени. Съ представленіемъ юности всегда соединяется представленіе свѣжей, бодрой, не ослабленной и не испорченной силы. Если кто изъ насъ, то это именно юноши цвѣтуть здоровьемъ. Въ виду еще развивающихся только, еще крѣпнущихъ силъ они не боятся ни труда, ни непогоды и въ будущемъ сулятъ себѣ годы счастья. Не отъ нихъ зависитъ, не ими приобретається эта юношеская бодрость: она даръ природы. Но, не смотря на это, она вызываетъ невольную симпатію, и также радуется и манитъ обѣщаніями, какъ радуется и утѣшаетъ надеждами весенняя природа, роскошно разцвѣтающая подъ животелными лучами весенняго солнца. Но жалуются, что

хилѣтъ наше юношество, что въ немъ меньше той, переливающей черезъ край, физической силы, какою славились юноши прежнихъ поколѣній. Отъ юности естественно ожидать, чтобы въ ней играла молодая жизнь; между тѣмъ въ дѣйствительности нынѣ, то и дѣло, являются среди юношей блѣдныя, безкровныя, чахоточныя особы. Жизнь, не согласная съ природою и проводжаемая не по законамъ, предписаннымъ Богомъ человѣку, подрываетъ въ корнѣ молодое дерево и не даетъ ему расти какъ слѣдуетъ, доводя его до преждевременной гнилости. Есть пороки юности, отъ которыхъ явнеть цвѣтъ молодой жизни, не успѣвъ распуститься.

Апостолъ впрочемъ имѣлъ въ виду не физическую, а духовную крѣпость, когда радовался за своихъ юношей. И намъ, если утѣшаться, глядя на юношей, то не по причинѣ ихъ физической крѣпости, а по причинѣ чистоты и силы ихъ духовной. Съ представленіемъ юности мы привыкли соединять идеальныя стремленія къ добру, кипучую энергию воли, готовой на пожертванія, свѣжую, не отуманенную и восприимчивую мысль, и неподкупное сердце, полное надежды и довѣрія. Такими чертами болѣе или менѣе отличались юноши среди людей другихъ возрастовъ, и онѣ снискивали имъ у всѣхъ симпатію и расположеніе. Юноши подобнаго настроенія окружали Апостола. Онъ съ услажденіемъ видѣлъ, съ какимъ одушевленіемъ они принимали слова Евангелія и съ какою готовностію вызывались распространять ихъ всюду, куда ни посылала ихъ воля апостоловъ. Онъ любовался ими, когда они пылали сердцемъ служить Богу и шли къ указанной имъ святой цѣли, презирая всѣ опасности и не боясь никакихъ трудовъ. Онъ съ большими ожиданіями и отрадными надеждами смотрѣлъ на нихъ, когда они открытою душою съ тихою покорностію внимали учительному слову своего наставника, показывая ему своимъ взоромъ свою безза-

вѣтную преданность. При видѣ ихъ такъ усердныхъ, такъ честныхъ, такъ энергическихъ, онѣ съ отраднымъ спокойствіемъ простиралъ взоры въ будущее, и не имѣлъ повода сомнѣваться въ близкомъ успѣхѣ того дѣла, которое въ дорожѣ всего было для него сердца. Обратитесь къ воспоминаніямъ къ апостольской исторіи: въ ней не разъ встрѣтите юношей, готовыхъ служить дѣлу Божію. Юноши токружаютъ апостоловъ Петра и Іоанна въ Іерусалимѣ, когда они явятся во храмъ среди народа съ своею проповѣдію, и съ сочувствіемъ сопровождаютъ ихъ по улицамъ города, иногда ихъ ведутъ въ судилищу или подѣстражу. Юноши съ усердіемъ исполняютъ тѣ порученія, которыя возлагаютъ на нихъ апостолы. Такъ, когда пали мертвыми, въ слѣдствіе обличенія Петрова, Ананія и жена его, утаившіе часть цѣны, полученной ими за село, юноши взяли ихъ тѣла и предали погребенію (Дѣян. V, 6—10). Были юноши между людьми, сопровождающими Апостола Павла въ его путешествіяхъ по разнымъ странамъ тогдашняго міра для проповѣди о Христѣ, и нѣкоторые изъ нихъ пріобрѣли славную извѣстность въ церкви, напримѣръ Тимоѳей и Титъ: слово о Христѣ наполняетъ всю ихъ душу, и всѣ свои крѣпкія силы они посвящаютъ дѣлу созиданія царства Божія, — вмѣстѣ съ апостоломъ готовы подвергаться всѣмъ опасностямъ и терпѣть тѣ гоненія, какія угрожали ему за возвѣщеніе Евангелія. Юноша (сынъ сестры Павловой) принимаетъ мѣры къ спасенію Павла, когда нѣсколько іудеевъ связали себя клятвою ничего не ѣсть до тѣхъ поръ, пока не убьютъ Павла (Дѣян. XXIII, 12—24). Таковы ли наши юноши? Чѣмъ заявляютъ, на что тратятъ они свою свѣжую и бодрую силу? Между ними есть люди, преданные дѣлу, усердно приготавлиющіеся къ будущей честной службѣ обществу, не жалѣющіе и не боящіеся труда, исполненные благородныхъ и безкорыстныхъ стремленій, и

мы вѣримъ, что такихъ немало. Но на верхъ жизненнаго моря изъ среды юношества всплываютъ явленія недоброкачественнаго вида, которыя внушаютъ опасенія безпристрастному наблюдателю: человеческихъ отношеній, и которыя бросаютъ тѣнь на цѣлое поколѣнiе, хотя оно не все виновато въ грѣхахъ, совершаемыхъ нѣкоторыми представителями ея. Много заставляютъ говорить о себѣ наши юноши, эти рѣчи, вызываемыя дѣлами и направленіемъ ихъ, полны сожалѣнія и укоризны. Изъ ихъ головы, подъ разными изсущающими неблагоприятными вліяніями, испаряются положительные идеалы, питавшіе и восхищавшіе юность въ прежніе годы; вмѣсто нихъ принимаются и усиливаются у нихъ стремленія отрицательнаго свойства. Планы, гнѣздящіяся въ ихъ душахъ, направлены не къ созиданію, а къ разрушенію. Вмѣсто того, чтобы скромно нести свою долю труда въ общую лабораторію жизни человеческой, они хотятъ разрушить сложившійся строй государства и общества, и на это благодарное дѣло готовы тратить энергію и силъ и счастіе. Прежде юноши преклонялись предъ святынею нравственнаго закона; а нынѣ не колеблясь они попираютъ его ногами, и не задумываясь берутъ на себя не только безчестное, но и ужасное, оскорбляющее чувство человеческого достоинства, для достиженія своихъ преступныхъ цѣлей, пользуясь огнемъ, мечемъ, револьверомъ и динамитомъ. Сколько неслыханнѣхъ преступленій записано въ лѣтописи послѣдняго времени! И эти преступленія безъ содроганія совершала юношеская рука... Прежде для юношей имѣли неотразимое обаяніе поэзія, красота, возвышенные порывы духа; теперь зараза матеріализма изгоняетъ изъ юношескихъ сердецъ все идеальное: на школьной скамьѣ наши юноши увлекаются практическими расчетами, и ищутъ только пользы, и ею одною измѣряютъ цѣнность вещей, мечтаютъ только о деньгахъ, о десяткахъ

и сотняхъ тысячъ. И напрягаютъ силы и изыскиваютъ разные средства наши молодые люди, чтобы удовлетворить преждевременно возбужденной жадѣ приобрѣтеній.

Прежній юноша идеалистъ почти анахронизмъ въ наше время. Какъ будто исчезаютъ годы беззаботной веселой юности, и наши дѣти прямо изъ отрочества вступаютъ въ періодъ зрѣлости, и юношеская улыбка замѣняется у нихъ угрюмымъ и озабоченнымъ видомъ старца. Религія,—самый дорогой предметъ для юношей апостольскаго времени,—не одушевляетъ и не увлекаетъ нашихъ юношей. Для нихъ тяжело и кратковременное посѣщеніе церкви; тѣмъ менѣе расположены они посвящать свои силы на служеніе Богу и Его церкви. Они не заявляютъ и сочувствія къ вопросамъ вѣры; скорѣе они становятся къ ней во враждебное отношеніе и, не поработавъ мыслию, дерзаютъ отрицать все, самое священное для человѣка, и смѣяться надъ тѣмъ, чѣмъ жили и дорожили сотни поколѣній. Едва выросши изъ пеленокъ, они начинаютъ говорить разбитымъ и хриплымъ голосомъ сомнѣнія и безотраднaго отрицанія, надѣваютъ доспѣхи ожесточенныхъ и осужденныхъ исторіею враговъ христіанства, и съ развязностію, доходящею до наглости, размахиваютъ направо и налево ихъ заржавлымъ оружіемъ. Въ такой бесплодной и безцѣльной борьбѣ пропадаетъ даромъ ихъ богодарованная сила. Если вы станете среди церкви Божіей, посмотрите вокругъ и спросите: гдѣ наши сильные, утѣшавшіе апостола? вы не найдете ихъ тамъ, куда бы Христосъ желалъ собирать юношей. Они бѣгутъ изъ ограды церковной, гонимые какимъ-то невидимымъ духомъ, и отдаютъ свои силы на служеніе не Богу, а міру и мамонѣ. Не всѣ юноши такого характера и настроенія (повторимъ мы); но много таковыхъ изъ нихъ, и они являются наиболѣе тамъ, гдѣ собирается отборный цвѣтъ юношества, именно въ высшихъ

учебныхъ заведеніяхъ, и это-то составляетъ печаль и заботу нашего времени.

Апостоль радовался за своихъ юношей потому, что слово Божіе въ нихъ пребывало. Въ словѣ Божіемъ они видѣли неоцѣненный даръ, неиспосланный намъ съ неба для просвѣщенія темной души нашей и для руководства ея на путяхъ жизни. Они стремились овладѣть этимъ даромъ со всею горячностію молодой души, и въ немъ искали пути, истины и живота. Оно умудряло ихъ во спасеніе; въ немъ находили они рѣшеніе тревожившихъ ихъ вопросовъ, и по нему учились жить и дѣйствовать. Одни изъ нихъ, подобно Тимоѳею, съ дѣтства какъ бы съ молокомъ матернимъ, всасывали въ себя эту духовную пищу, и потомъ старались възгрѣвать воспринятый имъ даръ; другіе новообращенные, разъ испытавъ сладость духовной пищи, заключающейся въ словѣ Божіемъ, спѣшили не уступать другимъ, упредившимъ ихъ, въ знаніи Писанія и съ горячею ревностію слѣдовали во всемъ указаніямъ спасительнаго слова Божія. Осюда въ нихъ неліцемерная и преданная вѣра. А эта вѣра источникъ духовной силы и крѣпости для духовнаго организма, и условіе сохраненія ея; безъ нея духовный организмъ нашъ дѣлается дряблымъ и худосочнымъ, и внутренняя гниль распространяется въ немъ, не смотря на видимое здоровье и наружную крѣпость его.

Можно ли сказать о нашихъ юношахъ, что въ нихъ пребываетъ слово Божіе? Нѣтъ, оно не только не пребываетъ въ нихъ, но они не знаютъ или мало знаютъ его, не читаютъ его, не интересуются и не дорожатъ имъ. Въ нашихъ домахъ нѣтъ привычки знакомить юныхъ членовъ семейства съ словомъ Божіимъ, и выростая они не выносятъ изъ дома и не получаютъ отвнѣ уваженія къ этому слову. Скажите, у многихъ ли юношей вы видѣли въ рукахъ Библию, и многіе ли хоть разъ прочитали ее? Законъ Божій, правда, числится въ

ряду обязательныхъ предметовъ преподаванія въ нашихъ школахъ. Но у нашихъ юношей онъ предметъ нелюбимый и нецѣнный, и если изучается ими, то не столько по внутреннему побужденію, сколько по вѣшнему принужденію, для полученія удовлетворительной отмѣтки на экзаменѣ, и даже лучше другихъ успѣвшіе въ нашихъ школахъ по закону Божію съ Библіей мало знакомы. Не въ этомъ вѣковѣчномъ и неизмѣнномъ источникѣ они хотятъ черпать для себя воу жизни, а въ мутныхъ, грязныхъ и затхлыхъ лужахъ, какія случайно попадутся на ихъ глаза въ пустыняхъ земнаго странствованія. Авторитетъ Евангелія, апостоловъ и пророковъ для нихъ не много значитъ; вмѣсто божественныхъ авторитетовъ они преклоняются предъ авторитетами, которые явились вчера или нынѣ, и едва ли переживутъ завтрашній день, въ родѣ Бюхнера, Мошотта, Дарвина, Бокля и другихъ подобныхъ. Они прислушиваются къ жужжанію комара, явившагося въ знойный день на короткое время на свѣтъ Божій, и не хотятъ внимать ясному, разумному и членораздѣльному голосу человѣческому. У такихъ юношей сердце не обращено къ Богу, и уста ихъ нѣмбуютъ для молитвы, и стопы ихъ направляются по путямъ жизни не закономъ Божіимъ. Не порадовался бы такимъ юношамъ великій Апостолъ, такъ любившій юношей. Гдѣ же вы, отцы и матери, желающіе добра своимъ дѣтямъ? Не на вашихъ ли глазахъ вырастаютъ юноши, погашающіе въ себѣ искру Божію? Устраняете ли вы отъ себя всякую вину въ томъ, что среди васъ, изъ-подъ вашего крова выходятъ юные отрицатели, попирающіе ногами божественный авторитетъ и убѣгающіе отъ благодѣтельной силы Божіей? Нерѣдки жалобы нынѣ, что для нашихъ молодыхъ людей потеряло значеніе слово родителей, и они не признаютъ авторитета отца и матери. Но откуда въ юномъ, еще не сложившемся характерѣ такое

жесткое и гордое упрямство мысли? Не сами юноши, только вступающіе въ жизнь, создали для себя то настроеніе, которое съ прискорбіемъ замѣчаемъ мы въ нихъ. При вступленіи въ жизнь ихъ охватываетъ готовая атмосфера, не ими устроенная, и они по неволѣ подчиняются неблагоприятнымъ вѣяніямъ, какія встрѣчаютъ ихъ податливую душу. Не отражаются ли въ этомъ случаѣ грѣхи отцовъ на чадахъ? И невѣріе юношей не есть ли отпрыскъ корня, сокрытаго въ поколѣніяхъ, раньше ихъ явившихся на поприщахъ жизни?

Апостоль наконецъ хвалить юношей за то, что они побѣдили лукаваго. Жизнь наша есть постоянная борьба, и юноши, современные Апостолу, уже при самомъ началѣ подвига, являются увѣнчанными побѣдою, и Апостоль привѣтствуетъ ихъ, какъ побѣдителей. Тотъ врагъ, съ которымъ они успѣшно боролись, и съ которымъ должны бороться всѣ мы, призванные подъ знамена Христовы, — древній человекоубійца, который, по слову Апостола, постоянно *яко левъ, рыкая, ходитъ, искій кого поглотити* (1 Петр. V, 8). Мы не невидимъ его; не видали его и юноши, съ помощью Божіею успѣвшие побѣдить его: онъ духъ невидимый и неосязаемый. Но предъ нами темныя дѣла его; вокругъ насъ тѣ безчисленные соблазны и обольщенія, которыми онъ дѣйствуетъ къ уловленію въ плѣнъ свой душъ нашихъ. Онъ увлекаетъ людей на путь погибели то чувственными наслажденіями, то разными удовольствіями свѣта, то горделивыми помыслами самолюбія, ведущими къ презрѣнію и несправедливому униженію другихъ. Стоитъ разъ поддастся какому либо увлеченію, и лукавый врагъ нашъ старается связать попавшаго въ его сѣти все крѣпче и крѣпче, и начинаетъ торжествовать свою побѣду. Нѣкоторыя изъ его обольщеній особенно опасны для юности; въ ней, пылкой, живой и полной кипучаго здоровья, легко возжечь огонь чувственной

страсти; ее, не привыкшую къ сосредоточенности, не трудно заставить гоняться за праздными и грѣховными удовольствіями, разсыпанными на путяхъ міра и въ разбѣянности губить и время и силы. Юноши апостольскаго круга, какъ видно изъ одобрительнаго отзыва св. Іоанна Богослова, съумѣли противостать всѣмъ искушеніямъ, какими хотѣлъ увлечь ихъ врагъ нашего спасенія. Они сохраняли чистоту и цѣломудріе и боялись осквернить себя нечистою похотію плоти. Они преданы были дѣлу, къ которому призывала ихъ воля святаго общества или къ которому они сами предназначали, и ихъ не видно было тамъ, гдѣ убивала время толпа ничѣмъ не занятыхъ гулякъ, переходящихъ отъ одного развлеченія къ другому, проводящихъ ночи въ шумныхъ собраніяхъ и на утро замышляющихъ какія либо новыя удовольствія. Свято и съ усердіемъ исполняя долгъ свой, съ успѣхомъ ведя дѣло, на нихъ возложенное, они не надмѣвались собою и не выходили изъ повиновенія старшимъ и поставленнымъ надъ ними начальникамъ: почтеніе къ сѣдинѣ, вниманіе къ совѣтамъ опытности, покорное воспринятіе наставительнаго слова учителя входило въ ихъ нравы и пріятнымъ образомъ отличало ихъ характеръ.

Спросимъ теперь нашихъ юношей. Могутъ ли они похвалиться побѣдою надъ врагомъ своимъ, котораго Апостоль называетъ лукавымъ? Многие изъ нихъ не вѣрятъ въ него, потому что не видятъ его; большинство не думаетъ о немъ, хотя прямо и не отрицаетъ его. Борьба съ нимъ не входитъ въ число заботъ и помысленій нашей юности. Но эта борьба неизбежна; хотя мы не видимъ своего врага, хотя не вѣримъ въ его существованіе, но онъ тѣмъ не менѣе окружаетъ насъ своими ковами, въ каждую минуту готовъ сдѣлать на насъ нападеніе, въ каждую минуту выискиваетъ случая отнять у насъ наше лучшее достояніе. Не на потаенную борьбу указы-

ваемъ мы, а на тѣ соблазны и искушенія, которыя и для невѣрующаго имѣютъ значеніе дѣйствительнаго, неопровержимаго факта. Напримѣръ являются ли наши юноши побѣдителями въ борьбѣ съ чувственною похотію, которою, во вредъ намъ, пользуется врагъ нашъ? Борются ли они, считаютъ ли нужнымъ бороться съ этимъ *накостникомъ плоти*, который у Апостола прямо называется *ангеломъ сатанинымъ* (2 Кор. XII, 7)? Дорожатъ ли они чистотою цѣломудрія, — этимъ любезнымъ украшеніемъ юности? Не потеряна ли, не отдана ли она безъ борьбы тому, кому не пріятно было видѣть ее въ прекрасномъ юношѣ? Вотъ первое поприще брани, — и многіе ли юноши показываютъ здѣсь стою стойкость? Не отдается ли большинство изъ нихъ прямо въ руки врагу, съ перваго же вступленія на боевое поприще? — Или возьмите забавы, удовольствія и развлеченія, какія въ избыткѣ и разнообразіи предлагаетъ каждому наша современность. Не запрещены они юности; юношѣ весьма естественно повеселиться. Но вездѣ долженъ быть соблюдаемъ законъ мѣры и приличія. Если, напримѣръ, юноши до того увлекаются удовольствіями свѣта, что они поглощаютъ у нихъ все время, что погоня за ними заставляетъ ихъ отодвигать на задній планъ или совсѣмъ забывать требованія долга, если они принимаютъ участіе въ безобразныхъ кутежахъ и неумѣренныхъ возліяніяхъ, если они являются иногда шатающимися на ногахъ и не свободно владѣющими своими членами: тогда можно ли назвать ихъ крѣпкими? Можно ли увѣнчать ихъ побѣднымъ вѣнцомъ? Напротивъ тогда они рабы и плѣнники. А такихъ юношей «отдающихся въ рабство и плѣнъ», мало владѣющихъ собою и своимъ временемъ, не мало, очень не мало въ средѣ нашего молодаго поколѣнія. — Не видимъ мы признака побѣды и въ томъ раздутомъ самолюбіи, которымъ такъ часто болѣютъ наши юноши. Юности свойственно мир-

ное, любовное отношеніе къ другимъ; а въ средѣ нашего юнчества такіе частые взрывы духа недовольства и раздраженія! Юности свойственно подчиняться авторитету и вліянію старшихъ; а нынѣ въ средѣ юношей такой духъ критицизма, осужденія часто беспощаднаго по отношенію къ тому, что они слышатъ отъ своихъ старшихъ, и что они видятъ въ нихъ. Юноши апостольскаго времени хотѣли повиноваться и служить; но болѣзненное самолюбіе увлекаетъ нашихъ юношей къ тому, чтобы повелѣвать и ставить себя выше другихъ. Съ воздушными, безжизненными, сухими идеями они вступаютъ въ жизнь, созданную вѣковою многотрудною исторіею и насильно готовы потрясать и ломать твердые устои общественнаго зданія. Повидимому, они руководятся здѣсь благонамѣренными, возвышенными побужденіями. Но на самомъ дѣлѣ искуситель на крыльяхъ самолюбія возноситъ ихъ на высоту, недоступную для ихъ естественнаго восхожденія, и, стоя на ней, они думаютъ, что это ихъ на длежащее мѣсто, и въ обольщеніи повергаются внизъ, разбиваются и погибаютъ.

Да не осудить насъ юность за настоящія, можетъ быть, непріятныя для нея, слова. Не для укоризны мы указываемъ ей на тѣ опасности, въ которыхъ разбиваются ея лучшія силы. Кто не желаетъ добра юности? Въ ней наши надежды, въ ней залогъ будущаго благополучія. Отцамъ, отживающимъ свой вѣкъ, благо дѣтей, выступающихъ на жизненную дорогу, дороже ихъ собственнаго блага. И если видятъ они, что ихъ дѣти, полныя самонадѣянности, бѣгутъ по такимъ опаснымъ мѣстамъ, въ которыхъ ихъ ожидаетъ несчастіе, а гибель, въ которыхъ понапрасну они могутъ растратить все, чѣмъ наградила ихъ всеблагой Творецъ, то какъ не предостеречь ихъ, еще не извѣдавшихъ опыта? Впослѣдствіи они могутъ горько оплакивать свою неосторожность и свою самонадѣянность. (Воскр. чтеніе № 36).

По поводу сужденія сельскаго священника о тѣхъ причинахъ которыя разрушаютъ взаимную связь между священниками и прихожанами и о средствахъ возстановить эту связь.

(Окончаніе.)

Продолжая разбирать наше воспитаніе въ семинаріи авторъ записокъ находитъ въ этомъ воспитаніи еще новую причину нашихъ официальныхъ, чисто формальныхъ только отношеній къ прихожанамъ, въ чисто формальныхъ, официальныхъ отношеніяхъ начальниковъ и наставниковъ семинаріи къ своимъ воспитанникамъ. «Безчеловѣчно поступая съ учениками при приемныхъ экзаменахъ, — говоритъ онъ съ обычною ему рѣзкостью, — грубо обращаясь съ ними въ теченіи всего курса, выгоняя изъ заведенія за каждую малость, за какую нибудь не достающую осьмью долю бала, и вселяя такимъ образомъ только ожесточеніе и страхъ, — теплоты сердечной, любви къ ближнимъ, наши семинаріи въ своего воспитанника вселить и не въ состояніи. Наставникъ, неимѣющій любви и даже снисхожденія, конечно не можетъ сдѣлать сердце воспитанниковъ мягкимъ, сострадательнымъ, любящимъ. Всякій ученикъ семинаріи неминуемо долженъ выдти холоднымъ эгоистомъ, ожесточеннымъ, раздраженнымъ.»

Намъ кажется и здѣсь автору записокъ слѣдовало бы на дѣло взглянуть безпристрастнѣе и вѣрнѣе. Мы не говоримъ о томъ, что въ его словахъ о семинарскихъ начальникахъ и наставникахъ слышится преднамѣренное желаніе очернить и этихъ начальниковъ и наставниковъ всѣхъ безъ разбору и безъ пощады; нужно же было знать ему, что семинарское и училищное начальство не само выдумало для воспитанниковъ семинарій и училищъ *безчеловѣчныя строгости* при приемныхъ экзаменахъ, исключенія изъ заведенія *не за всякую малость*, какъ говоритъ авторъ, а за всякую рюмку вина; не само оно выдумало и другія мѣры взысканія съ воспитанниковъ. Нужно бы было знать, что семинарское и училищное начальство исполняетъ только то, что ему предписано; и безъ сомнѣнія всѣмъ сердцемъ радовалось бы, если бы не имѣло случая и повода примѣнять строгія мѣры взысканія къ воспитанникамъ. Не ужели авторъ желаетъ полной безнаказанности и распушенности воспитанниковъ? Неужели онъ желаетъ, чтобы всѣ воспитанники безъ разбору и экзамена, или по его понятію, челоѣколюбиво принимались изъ училища въ семинарію? Да не угодно ли автору сравнить приемные наши экзамены съ такими же экзаменами хоть въ гимназіяхъ или

реальныхъ училищахъ;—гдѣ строже и възыскательнѣе экзамены? Пусть онъ сравнитъ и мѣры възысканія въ свѣтскихъ заведеніяхъ за куреніе табаку, за питье водки... Гораздо лучше авторъ сдѣлалъ бы, если бы, не увеличивая безъ нужды вины семинарскаго начальства, обратилъ вниманіе на то, почему воспитанники семинаріи теряютъ энергію при своемъ обученіи, и не смотря на всѣ строгости възысканія за винопитіе, предаются съ необузданностію этому пороку. Причины эти были указаны недавно въ статьѣ, помѣщенной въ нашихъ вѣдомостяхъ подъ заглавіемъ: бездолье семинаристовъ. Тутъ начальство ничего не подбалаешъ.

Что касается до официальныхъ и чисто формальныхъ отношеній наставниковъ къ семинаристамъ, то и въ этомъ случаѣ мало правды у автора, а есть свойственное ему преувеличеніе. Не всѣ же наставники — звѣри лютые, и холодные формалисты; между ними всегда есть и болѣею частию въ огромномъ количествѣ наставники добрые, ласковые, обходительные, особенно съ воспитанниками хорошими. Благотворное вліаніе ихъ всегда отражается на большинствѣ учениковъ хорошихъ; а съ дурными учениками ничего не подбалаешъ. И во всѣхъ заведеніяхъ такихъ учениковъ, обыкновенно, послѣ многихъ мѣръ възысканія, и послѣ извѣстнаго времени терпѣнія, выгоняютъ вонъ изъ училища. Въ духовныхъ же заведеніяхъ эти мѣры терпѣнія всегда бываютъ мѣрами *долготерпѣнія*.

Не поискать ли намъ источниковъ холодныхъ, официальныхъ и формальныхъ отношеній священника къ прихожанамъ—поближе къ самимъ себѣ—въ примѣрѣ нашихъ отцовъ и дѣдовъ, въ ихъ чисто формальномъ, официальномъ только отношеніи и къ богослуженію и къ прихожанамъ. Не тамъ ли кроется корень зла?

Какъ недостатокъ религіознаго чувства кроется въ нашей семьѣ; такъ и недостатокъ истинныхъ пастырскихъ отношеній нашихъ къ прихожанамъ кроется прежде всего въ примѣрѣ нашихъ отцовъ, дѣдовъ, братьевъ; въ первомъ случаѣ лучшею руководительницею нашею могла бы быть добрая, благочестивая, хорошо образованная мать; во второмъ — добрый, благочестивый, хорошо образованный отецъ. А у насъ что? Отецъ привыкъ ходить въ церковь только для чисто формальнаго отправления службы;—за нимъ съ раннихъ лѣтъ бѣгаетъ въ церковь его сынъ тоже чисто только для формы. Отецъ идетъ по приходу для собиранія грошей, и сынъ идетъ съ нимъ и протягиваетъ тоже руку, чтобы получить грошъ. Отецъ хвалитъ того прихожанина, который

больше платить, хотя Богъ знаетъ изъ какихъ доходовъ, и сынъ хвалить этого прихожанина. Отецъ бранить того прихожанина, который мало даетъ, или во все не даетъ за труды, и сынъ тоже бранить. Въ этомъ случаѣ исполняется буквально слово писанія: *яже бо отецъ творить, сія и сынъ такожде творить*. [Іоан. V, 19]. Вотъ гдѣ корень тѣхъ формальныхъ, число официальныхъ отношеній къ прихожанамъ, которыя закладываются въ нашу младенческую душу. Можетъ быть, — мы не споримъ, — этотъ корень даетъ широкіе ростки и побѣги и при формальномъ отношеніи нѣкоторыхъ наставниковъ семинари, и при такихъ же формальныхъ отношеніяхъ въ послѣдствіи со стороны благочиннаго и другихъ духовныхъ властей; но первый корень зла все-таки въ примѣрѣ отца, — въ семьѣ нашей.

Излагая второго рода причины, производящія разладъ между священникомъ и прихожанами авторъ ограничивается только краткимъ, и притомъ не всегда вѣрнымъ и правдивымъ изложеніемъ ихъ. Авторъ говоритъ: «матеріальныя средства къ нашему существованію — доходы отъ требоисправленій. И въ глазахъ нашего начальства, и въ глазахъ общества составилось понятіе о раздѣленіи приходоу на *хорошіе и плохіе*, и конечно не въ нравственномъ ихъ отношеніи, а исключительно по ихъ доходности. Воспитаннику семинари, — неговоря уже о пономарствѣ, — тотчасъ по выходѣ его изъ семинари, хорошаго мѣста не даютъ. По этому у него, если бы онъ и не зналъ всѣхъ нашихъ порядковъ, невольно должно составиться понятіе о приходахъ многодоходныхъ и мало доходныхъ, — какъ объ арендной, слѣдовательно, статьѣ. О нравственномъ слитіи съ приходомъ и т. п. тутъ не можетъ быть и помину.»

«Поступивши во священника, — продолжаетъ авторъ, — человекъ сразу уничтожается: у него нѣтъ ни помѣщенія, ни хлѣба, ни денегъ, — ровно ничего. Первою его заботою неизбѣжно должна быть забота о своемъ существованіи. При этомъ каждый знаетъ, что и впереди его ждетъ такая же нужда, какъ и теперь, и что о немъ не позаботится никто во всю его жизнь; и что въ старости его ожидаетъ одиночество и нищета.»

Мы замѣчали неоднократно, что авторъ записокъ впадаетъ нерѣдко въ крайности; это замѣтно и теперь. Во первыхъ не всякій изъ семинаристовъ вступаетъ на мѣсто, и при томъ на мѣсто священническое такимъ бобылемъ, какъ его изображаетъ здѣсь авторъ. У многихъ есть

средства, напр. хоть взятая за женой, и скупить домъ и приобрести скотъ и домашнюю рухлядь отъ своего предшественника; и только развѣ у очень не многихъ бываетъ такая скудость въ началѣ ихъ служенія, какую изображаетъ авторъ. У многихъ изъ священниковъ и дальнѣйшая жизнь проходитъ безъ особенно—тяжелыхъ нуждъ; это мы знаемъ, потому что у многихъ сельскихъ священниковъ и въ домѣ хорошо, и около дома хорошо, да и въ банкѣ денжонки есть. Зачѣмъ скрывать то, что есть на самомъ дѣлѣ, и плакать тамъ, гдѣ не слѣдуетъ плакать.

— «Каждый изъ священниковъ знаетъ, говоритъ авторъ, что и впереди его ждетъ такая же нужда, какъ и теперь, при поступленіи на мѣсто; что о немъ не позаботится никто и что въ старости его ожидаетъ одиночество и нищета.»—И тутъ опять преувеличеніе и неправда. У многихъ изъ священниковъ и сыновья пристроиваются къ мѣстамъ, и дочери отдаются за мужъ, да при томъ и съ немалымъ приданымъ; да и на старость кое что остается. Да впрочемъ нынѣ за тридцатипятилѣтнюю безпорочную службу полагается священнику и пенсіонъ. Есть конечно и такіе священники, которые во всю жизнь свою не могутъ себѣ приобрести ничего, ни двора, ни кола, ни себѣ—ни на себя, но это большею частію такіе священники, у которыхъ чарка не выходитъ изъ рукъ. Ну, тутъ ничего не подѣлаешь.

«Прихожане,— пишетъ дальше намъ авторъ, каждого новаго священника стараются тѣснить, чтобы сбавить платы за требоисправленія. Но одни изъ священниковъ сами начинаютъ тѣснить ихъ и вымогать непомѣрную плату, не смотря ни на бѣдность, на прозѣбы и слезы; ведутъ себя заносчиво, не приступно; другіе же, будучи не въ силахъ выбиться изъ подъ такого давленія, терпятъ страшную нужду; третьи—спиваются. О внутренней связи съ приходомъ, здѣсь не можетъ быть и рѣчи.»

У автора во очію совершается вездѣ Дарвинова борьба за существованіе. Прочитавши его слова, можно подумать, что не сегодня, такъ завтра или прихожане съдятъ своихъ священниковъ, или священники сложаютъ прихожанъ. Кто смѣлѣе, тотъ и святѣе, тотъ и живѣе будетъ. Неужели это въ самомъ дѣлѣ такъ?

— А у насъ видится весьма часто вотъ что: является новый молодой священникъ; прихожане принимаютъ его съ любовью и ласкою, многіе приносятъ ему хлѣбъ—соль, многіе дарятъ домашнія вещи; и будь только священникъ мало-мальски добръ и ласковъ самъ, дѣло пойдетъ, какъ нельзя лучше; взаимное согласіе и миръ прочно водворятся. При-

хожане съ охотою будутъ платить то, что они прежде платили за требоисправленія, и не будутъ этимъ тяготиться. Ну, а вотъ, если священникъ станетъ вымогать не помѣрную плату за требоисправленія, не смотря ни на бѣдность, ни на прозбы и слезы, — ну тогда пинять нужно на себя.

III.

Указавши на причины, какія по его мнѣнію производятъ разладъ между священникомъ и прихожанами, авторъ дальше съ нѣкоторымъ самодовольствомъ говоритъ: «однакоже нельзя сказать, чтобы не было совсемъ ни какихъ уже средствъ къ установленію хорошихъ отношеній хотя отчасти. Такія средства есть. И передамъ то, какъ дѣло это ведется у меня въ приходѣ!»

Лжи и мелочнаго самохвальства я себя не дозволяю. Это было бы и глупо, и не имѣло бы ровно никакого смысла. Я, — сельскій священникъ, подобнаго которому въ Россіи болѣе 20,000, самохвальствомъ добиваться извѣстности изъ такой массы, гдѣ тысячи лучше меня во всѣхъ отношеніяхъ, значитъ признавать самага себя умопомшаннымъ, не признавая же себя таковымъ, я скажу сущую правду.

Трудно встрѣтить такихъ добрыхъ прихожанъ, которые съ такимъ почтеніемъ относились бы къ своему священнику, какъ относятся мои ко мнѣ: при встрѣчѣ съ крестьяниномъ, я, первымъ словомъ, говорю ему раза три или четыре, чтобы онъ надѣлъ шапку. Иначе, говори съ нимъ сколько угодно, онъ, во все время, будетъ стоять безъ шапки. Иду я или ѣду по улицѣ и, неговоря уже о томъ, что все взрѣсые издалека встаютъ и стоятъ безъ шапокъ, — вся мелюзга, — дѣти кричатъ мнѣ со всѣхъ сторонъ: «батюшка, здравствуй!» Иной ребенокъ, лѣтъ трехъ, не умѣетъ еще выговаривать, а, тоже, кричитъ за другими: «а! а!» и кланяется. Лошадей своихъ я не держу, — и мнѣ все возятъ прихожане. Куплю, напримѣръ, пятериковъ пять дровъ, верстѣ за 20 отъ села, пишу деревенскимъ старостамъ записки, — и на другой день подводъ 80 привезутъ мнѣ дровъ; куплю для коровъ сѣна, — привезутъ и это. Вычистить пригороду, куда выпускаются коровы, вывезти со двора снѣгъ, котораго, случалось, наносило воровъ до 200, набиты ледники и т. п., все это дѣлаютъ мнѣ прихожане! Въ прошломъ году я строился, — и изъ города, за 45 верстѣ, мнѣ вывезли 106 брусевъ, известь и проч. — прихожане. Иногда случалось даже такъ: у меня при домѣ есть небольшой садикъ; копаешься, иногда, тамъ, подвидеть мужичекъ,

поглядитъ на цвѣтники и говорить: «песочкомъ надо бы тутъ посыпать!»
— Да, говорю, надо бы, да песку-то нѣтъ. — «Да развѣ насъ у васъ мало! Скажите десятнику, онъ и нарядитъ подводы двѣ; а то я вотъ пойду и скажу старостѣ». — И на другой день мнѣ возовъ шесть привезутъ песку. Передъ свадьбами, по крайней мѣрѣ на половину, идутъ ко мнѣ за совѣтомъ: взять ли за сына дочь у такого-то крестьянина, или отдать-ли дочь къ такому-то? Приколотить пьяный мужикъ свою жену, — и она идетъ ко мнѣ съ жалобой. Крайне рѣдки случаи, чтобы пьяный мужикъ прошелъ мимо моего дому, — непременно постарается пробраться гдѣнибудь по закоулкамъ, что бы я не видѣлъ его. Толпятся мужики около кабака, иду или ѣду я, издали увидятъ всѣ, — и мгновенно всѣ разбѣгутъ. Слово мое въ приходѣ есть законъ. Конечно, все это зависитъ отъ доброты моихъ прихожанъ; но и я дорожу этимъ расположениемъ: насколько только возможно, я держусь правила: не спориться ни съ кѣмъ, ни при какихъ обстоятельствахъ, тотчасъ исполнять всякое требованіе каждаго и быть, насколько есть силъ, строгимъ къ себѣ. За требы я, лично самъ, не беру ничего, все беретъ мой диаконъ. Но никогда и никого не тѣснить и онъ; поэтому пользуется и онъ большимъ расположениемъ и пособиями. Другой священникъ получалъ бы, по всей вѣроятности, доходу втрое больше, чѣмъ мы; но мы не думаемъ, чтобы чтонибудь теряли и мы. Своимъ трудомъ прихожане наверстываютъ намъ то, чего не добавляютъ деньгами. Для крестьянина выгоды създать намъ за дровами, чѣмъ отдать лишній рубль за требу, а для насъ это все равно. Взятый мною рубль я отдалъ бы ему же за подводу. Значитъ, что мы въ барышахъ оба и, при этомъ, находимся въ хорошихъ отношеніяхъ.

Но это все, что дѣлается съ моей стороны, о чемъ сказалъ я, есть, какъ бы, отрицательная сторона, положительная же, — въ моихъ съ прихожанами бесѣдахъ. Лѣтомъ, по праздникамъ, у утрени въ церкви народу у насъ бываетъ довольно много. Послѣ утрени я выйду на амвонъ, просто, безъ эпитрахили, прочту и объясню евангеліе этого дня, прочту еще чтонибудь, спрошу поняли ли, нѣкоторыхъ прошу и рассказать, что говорилъ я. Въ хорошую же погоду выйдемъ всѣ на крыльцо церкви, — а церковь у насъ большая, крыльцо тоже высокое и большое, — сяду, около меня посадятся всѣ, обступятъ со всѣхъ сторонъ внизу, — я и читаю, и толкую съ ними часъ или полтора. Тутъ дѣло идетъ у насъ за-просто. Тутъ я выслушиваю вопросы и

суждения каждаго, — мы тутъ не стѣсняемся совсѣмъ другъ друга. Самое же главное: послѣ обѣдни я объявляю, что я приѣду въ такую-то деревню. Управившись въ церкви со всѣми молебнами, крестинами и пр., придешь домой, напьешься чаю, закусишь, а иногда и нѣтъ, — и поѣдешь. Въ назначенномъ домѣ меня уже ждутъ человѣкъ 20. Увидятъ въ деревнѣ, что я приѣхалъ, соберется и еще человѣкъ 50, иногда и больше, — и начнется наша бесѣда. Тутъ мы совсѣмъ уже свои люди: и я безъ расы, и слушатели мои въ чемъ понало. Здѣсь я читаю, разсказываю, мнѣ дѣлаютъ вопросы, я дѣлаю, — и толкуемъ обо всемъ. Иногда говорятъ мнѣ: недавно приѣзжали молокане, верстѣ изъ-за 200, жили три дня и говорили вотъ что; или скажутъ: раскольники были и говорили вотъ что. Я, конечно, объясню на толки тѣхъ и другихъ. [Въ моемъ приходѣ сектантовъ нѣтъ]. Тутъ толкуемъ мы и о хозяйствѣ, и о семейныхъ дѣлахъ, — обо всемъ. Въ 1879-мъ году мнѣ передали даже такія вещи «на прошлой недѣлѣ, говорятъ мнѣ, шли два мужичка въ Кіевъ къ св. мощамъ, чьи-то, говорятъ, дальніе; одинъ изъ нихъ отбилъ ноги и они прожили у насъ три дня. Все разспрашивали они, какъ мы живемъ, много ли у насъ земли, много ли платимъ податей; все жалѣли, что у насъ земли мало [въ д. Кувыкѣ], что казенная земля дорого арендаторами сдается, что мы бѣдны. Разговорчивые какіе! Скоро, говорили они, всю казенную землю раздадутъ по мужикамъ; что всѣмъ губернаторамъ прислана уже отъ Государя бумага, чтобы раздать всю землю, а податей брать только половину; что въ Вологодской губернии всю землю роздали уже по крестьянамъ, а подати сбавили, что они проходили чрезъ эту губернію и сами все это видѣли. Матвѣй К. [хозяинъ дома] сказалъ имъ: «этого быть не можетъ: гдѣ же будутъ деньги брать солдатъ содержать, чиновникамъ жалованье давать? Я былъ и въ Турціи, въ Иерусалимѣ, — вездѣ подати платятъ, и солдатъ держатъ, и жалованье чиновникамъ платятъ.» Какъ они на него прикрикнутъ!»...

Рекомендую моимъ собратіямъ испытать это средство для сближенія съ прихожанами. Я нахожу это средство лучшимъ, если не единственнымъ изъ всѣхъ. Не могу скрыть, что дѣло это очень, даже очень трудное; но въ собраніи, за-просто безъ всякихъ церемоній, видѣть въ народѣ эту вѣру, эту готовность и эту жажду слушать тебя, это довѣріе, — забываешь всякій трудъ и умиляешься самъ до глубины души. Это лучшее средство и научить чему нибудь.

Однажды, я, въ годи́чномъ отчетѣ, довелъ до свѣдѣнія преосвященнаго о своихъ бесѣдахъ; преосвященный остался очень доволенъ ими, сдѣлалъ распоряженіе, чтобы всѣ священники вели такія же бесѣды и для контроля, излагая бы ихъ въ особыхъ тетрадахъ, благочиннымъ же вмѣнено было въ обязанность просматривать ихъ. Дѣло приняло официальный видъ. Меня за это всѣ батюшки поругали, года два нѣкоторые изъ нихъ писали поученія, но бесѣдъ вели мало. Въ объѣзды епархіи преосвященный сперва спрашивалъ у нѣкоторыхъ священниковъ тетради съ бесѣдами, но потомъ пересталъ и онъ. Такъ дѣло это и пропало. Другаго исхода не могло и быть, потому что излагать на бумагѣ то, что говоришь и какъ говоришь, — нѣтъ никакой возможности. Поученія и теперь говорятъ многіе, но это не то. Моя бесѣда, — просто бесѣда домашняя. Еслибъ изложить въ точности, дословно, все, что и какъ говоришь тутъ, такъ это вышло бы такое произведеніе, за которое консисторія не только что не представила бы къ набедреннику, а еще взыскала бы штрафовъ пять, по крайней мѣрѣ. Тутъ я прочту и объясню что нибудь изъ евангелія, побраню мужика, зачѣмъ онъ, да еще съ сыномъ вмѣстѣ, ходитъ въ кабакъ; прочту что нибудь изъ св. исторіи, поговорю объ урожаѣ, падежѣ скота, о томъ, что нужно чаще ребятамъ мыть, — мы говоримъ обо всемъ. Но это: «все», безобразное, можетъ быть, по формѣ изложенія, лучше всякаго «огненнаго» слова. Въ этомъ повѣрьте мнѣ. Я узнаю тутъ все, что дѣлается у меня въ приходѣ и, во время, могу подать посильный совѣтъ. Въ подобныхъ бесѣдахъ до фамиліарностей мы не доходимъ, но мы другъ съ другомъ, какъ бы, роднимся, — это другаго рода школа.

Кромѣ того: пока священникъ въ деревнѣ, ни одинъ крестьянинъ не идетъ въ кабакъ, боясь, чтобъ не сказали ему и онъ не позвалъ бы къ себѣ. А перехвативши, такъ сказать, самое горячее время, — отъ обѣда до вечера, ночью мужикъ туда уже не пойдетъ. Да, эти простыя бесѣды, — великое дѣло! Но... полнѣйшая зависимость отъ приходоу, нерѣдкіе случаи злоупотребленія непритязательностью моего діакона, плата за требоисправленія и пр. отравляютъ все дѣло, пуще всякаго яду.»

Средство, на которое авторъ записокъ здѣсь указываетъ, вытекаетъ изъ добраго его сердца, изъ любви къ прихожанамъ. Ларчикъ, значить, просто открывается; гдѣ есть любовь у пастыря къ прихожанамъ, тамъ всегда будетъ миръ, согласіе, взаимная услужливость и вспомошествованіе. Вотъ объ этомъ-то и нужно всячески заботиться. Эта лю-

бовъ проявится въ тысячъ разнообразныхъ приемовъ и дѣйствій священника; по отношенію къ прихожанамъ; въ добромъ пастырскомъ словѣ и вразумленіи, въ готовности исполнить всякую просьбу и потребу прихожанина по призыву послѣдняго, въ непритязательности за исполненіе этой потребности, за добрый совѣтъ, за оказанную въ нуждѣ помощь, — даже за правдивое и строгое взысканіе, въ случаѣ явнаго нарушенія прихожаниномъ закона Божія, или семейнаго порядка. Прихожанинъ добрымъ сердцемъ своимъ пойметъ, что все это исходитъ изъ добраго сердца пастыря, изъ любви и заботливости о прихожанинѣ, — и полюбитъ пастыря своего самъ всемъ сердцемъ своимъ. Озлобленія и ненависти, не заслуженныхъ со стороны священника, нѣтъ въ сердцѣ прихожанина; и это ложное представленіе автора записокъ, будто всѣ прихожане и всѣ приходскіе пастыря стоятъ какъ два враждебныя лагеря, желающіе другъ друга погубить; или, — какъ учить Дарвинъ, два поколѣнія, ведущія борьбу за свое существованіе.

Врагамъ нашего отечества хочется именно этого послѣдняго; но мало ль имъ, чего хочется; истиннымъ пастырямъ нужно употреблять все стараніе на то, чтобы не было этой вражды, прибѣгать ко всемъ средствамъ, и между прочимъ къ тому, которое указываетъ авторъ записокъ, чтобы поддержать миръ, тишину, взаимную любовь и довѣріе между самими священниками и прихожанами. Этого требуетъ нашъ долгъ, наша совѣсть, — наше призваніе, этого требуютъ тяжелыя обстоятельства нашего отечества. Голосъ любимаго сельскаго священника, умѣвшаго своимъ добрымъ пастырскимъ служеніемъ, своего душевною теплотою, своими простыми, но искренними собесѣдованіями приобрести расположеніе и любовь, довѣріе и уваженіе своихъ прихожанъ, можетъ подѣйствовать и дѣйствительно дѣйствовалъ и дѣйствуетъ на разгулявшуюся, полупьяную, озлобленную толпу, несравненно лучше и благотворнѣе, чѣмъ внѣшняя полицейская власть, какъ это показали опыты во многихъ селахъ во время недавнихъ погромовъ евреевъ въ югозападныхъ нашихъ губерніяхъ.

При семъ № прилагается 4 листъ «Матеріалы для Статистическаго и Историческаго описанія церквей и монастырей Тверской епархіи».

Редакторъ Протоіерей *В. Владиславцевъ*.

Дозволено цензурою 1 октября 1881 года.

Печатано въ Типографіи Тверскаго Губернскаго Правленія.

РАСПОРЯЖЕНІЯ ТВЕРСКАГО ЕПАРХІАЛЬНАГО НАЧАЛЬСТВА.

На журналѣ Правленія Старицкаго духовнаго училища, состоявшемся 18 сего сентября относительно устройства новыхъ зданій для Старицкаго духовнаго училища, резолюція Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, Архіепископа Тверскаго и Кашинскаго 29 сего же сентября послѣдовала такая: «1] Для окончательнаго рѣшенія вопроса объ устройствѣ новыхъ училищныхъ зданій назначается экстренный сѣздъ духовенства Старицкаго училищнаго округа на двадцать седьмое число будущаго октября; 2] Консисторія немедленно сдѣлаетъ по сему надлежащія распоряженія». О рѣдѣли: о содержаніи настоящей резолюціи Его Высокопреосвященства дать [и дано] знать чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, для свѣдѣнія и надлежащаго исполненія, духовенству, состоящему въ Старицкомъ духовно-училищномъ округѣ съ тѣмъ, чтобы оно въ избраніи депутатовъ на имѣющей быть 27 будущаго октября сѣздъ руководствовалось прежде бывшими предписаніями по сему предмету. О такомъ распоряженіи увѣдомить [и увѣдомлено] Правленіе Старицкаго духовнаго училища отношеніемъ, а также сообщить въ Редакцію Тверскихъ Епархіальныхъ вѣдомостей, для припечатанія.

Сѣздъ о.о. депутатовъ Старицкаго училищнаго округа по разсмотрѣннй заявленій, представленныхъ депутатами, Зубцовской Троицкой церкви священникомъ Іоанномъ Воскресенскимъ, отъ причта села Коробина, Зубцовскаго уѣзда, и Старицкаго уѣзда, села Мичкова, священникомъ Іаковомъ Волковымъ отъ священно-церковнослужителей девятаго десятка, Старицкаго училищнаго округа, о перечисленіи ихъ въ ближайшіе десятки, соответственнo симъ заявленіямъ, постановилъ: Зубцовскаго уѣзда, село Коробино поречислить изъ 3-го десятка въ 1-й, а вмѣсто его отчислить изъ 1-го десятка къ 6-му село Терешково, какъ ближайшее къ сему десятку, а за тѣмъ—села Старицкаго уѣзда: Покровское Аршеневское перечислить изъ 9 десятка въ 8-й и Дорожаево, Зубцовскаго уѣзда, въ 5 десятковъ, того же уѣзда, а вмѣсто ихъ причислить къ 9-му десятку изъ 8 село Глѣбово, отчисливъ къ

сему десятку, вмѣсто его Зиновьево, а вмѣсто села Дорожаева причислить къ 9-му десятку село Ошурково.

Тверская Духовная Консistoriя слушала отношенiе Правленiя Старицкаго духовнаго училища отъ 16 сего сентября за № 205, коимъ оно, вслѣдствiе резолюцiи Высокопреосвященнѣйшаго Саввы, Архiепископа Тверскаго и Кашинскаго, отъ 10 сего же сентябля, сообщило Консistoriи, для зависящаго распоряженiя, извлеченiе изъ протокола № 3 сѣзда духовенства Старицкаго училищнаго округа [бывшаго 1-го сего сентября мѣсяца] слѣдующаго содержанiя: «1881 года сентября 1 дня. Сѣздъ депутатовъ отъ духовенства Старицкаго училищнаго округа, по разсмотрѣнiи смѣты на содержанiе духовнаго училища въ будущемъ 1882 году, постановилъ: ассигновать для а) основанiя при училищѣ продажной библиотеки единовременно 50 руб., б) на основанiе при училищѣ учебной библиотеки для раздачи книгъ бѣднымъ ученикамъ 50 руб., в) на выписку книгъ и изданiй для чтенiя ученикамъ изъ своихъ собственныхъ средствъ по 50 коп. съ каждаго причта, входящаго въ составъ Старицкаго училищнаго округа. Сборъ и представленiе означенныхъ денегъ въ училищное Правленiе съ 1-го январа будущаго 1882 года, сѣздъ имѣеть честь просить епархiальное начальство возложить на о.о. благочинныхъ съ тѣмъ, чтобы они, по истеченiи каждаго года, представляли ихъ къ 1-му январю». О п р е д ѣ л и л и: О содержанiи настоящаго отношенiя сообщить Редакцiи Епархiальныхъ вѣдомостей для отпечатанiя къ свѣдѣнiю и надлежащему исполненiю со стороны духовенства Старицкаго училищнаго округа.

Редакторъ, Протоiерей В. Владиславлевъ.

Дозволено цензурою. 1 октября 1881 года.

Печатано въ Типографiи Тверскаго Губернскаго Правленiя